

феодалной культур, совершенно другое, когда говорят о различии индийской и китайской культуры. В первом случае имеются в виду различия общих типов культур, выделяющих различные этапы, уровни культурно-исторического развития; во втором же внимание акцентируется на различии между локальными типами культур, воспроизводимыми индивидуальное своеобразие исторически выработанных народами образом жизни (стр. 129).

Смешение этих двух качественно различных планов рассмотрения исторически данных культур Э. Маркряна считает одним из фундаментальных пороков идеалистической философии истории XX в.

Особый раздел второй части книги посвящен проблеме сравнительного изучения исторических систем (глава четвертая), где автором поставлен ряд интересных проблем. Следует в этой связи отметить и другие работы данного автора, впервые в нашей литературе специально посвященные обобщенной постановке проблемы сравнительного метода под углом зрения познавательных задач исторической науки в целом².

Книга Э. Маркряна не только последовательно материалистична, но и лишена догматизма. Объектом критики автора выступают не только немарксистские концепции, но и точки зрения, вульгаризирующие и упрощающие историко-материалистическую теорию. Большой интерес в этом плане имеют те места книги, которые посвящены обобщенно историко-материалистического монизма и учения об общественно-экономических формациях (стр. 42—51, 139—181).

С сожалением приходится констатировать, что эта весьма информативная и стимулирующая творческое мышление книга выпущена в свет в недостаточном отредактированном виде. Нет спора, сюжет, избранный автором, труден, и законно требовать и от читателя известного труда для его постижения. Но иногда язык изложения усложнен больше, чем этого требует предмет. Читатель стремится вчитываться в формулировки автора, ответственность предмета требует от них недвусмысленности на уровне юридического текста, а между тем в ряде предложений нарушены требования синтаксической согласованности, которую с трудом приходится постигать догадкой.

Недостатком книги является и отсутствие библиографии. Постраничные ссылки не вполне восполняют этот пробел. В них нельзя найти, например, ни одного труда Р. Махайвера, хотя взгляды его подробно разбираются. Совершенно недостаточно использован в работе конкретный исторический и этнографический материал. Однако, несомненно, эти отдельные погрешности никак не умаляют ценности содержания книги Э. С. Маркряна, которую с пользой прочтет каждый специалист, занимающийся проблемами материальной и духовной культуры первобытности и классовых формаций, общественной организации и поведения человека.

С. А. Арутюнов

² См. Э. С. Маркряна, О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4; его же, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7.

НАРОДЫ СССР

В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., «Наука», 1970.

Народные предания — один из самых популярных видов фольклора. Со времен древнейшей русской летописи ими пользовались историки, поэты и писатели, воссоздававшие картины национального прошлого; они неизменно привлекали внимание этнографов, краеведов, путешественников. Но, как ни странно на первый взгляд, широкая известность преданий мало помогала их подлинно научному исследованию. Они обычно привлекались как вспомогательный материал и рассматривались лишь в аспекте основной задачи историка, публициста или художника; в то в качестве источника, то для выявления особенностей местного репертуара, то как штрихи к портрету героя литературного произведения.

Монография В. К. Соколовой — по существу первое большое исследование, посвященное русским преданиям как особому, богатому и многообразному виду народного творчества, который сам по себе представляет определенную познавательную и художественную ценность, имеет общенациональное распространение и занимает самостоятельное место в системе фольклорных жанров. В исследовании всесторонне учтены и тщательно обобщены все накопленные как в дореволюционной, так и в советской науке факты, наблюдения и выводы. Уже объем справочно-библиографического аппарата книги наглядно показывает, какой огромный материал был накоплен в этой области. Однако ссылки убедительно свидетельствуют и о том, какими разрозненными, часто случай-

ными, мало доступными были публикации текстов преданий и насколько в их изучении преобладал чисто краеведческий подход.

Большой опыт исследовательницы, известной своими прежними работами о русском историко-песенном фольклоре, позволил ей подойти к народным преданиям во всеоружии современных методов фольклористического анализа. Несомненными достоинствами книги являются критическое отношение к тексту, умение выделить и показать элементы индивидуального сказительского творчества (предание о Петре Первом, записанное от И. А. Касьянова) или литературного редактирования (легенда о Кудеяре у Н. А. Костомарова), а также не менее трудное и важное умение учитывать сложнейшие связи преданий с другими жанрами. Анализируя влияние мифа, эпоса, сказки, анекдота, бывальщины, исторической песни, религиозной легенды и средневековой письменности на сюжеты и образы преданий, В. К. Соколова не допускает размывания границ самого жанра, настойчиво стремится раскрыть, в чем заключается его особые черты, его идейно-художественное своеобразие.

Особенности жанра совершенно правильно и обоснованно выявляются прежде всего через специфическое отношение произведений этого жанра к действительности. «В преданиях обязательно рассказывается о прошлом, порою очень далеком,— пишет В. К. Соколова. — События, о которых в них идет речь, закончены и неповторимы. Предания — передаваемая из поколения в поколение устная народная летопись; основное назначение их — сохранить память о важных событиях и деталях истории; дать им оценку. Действительность в преданиях изображается в основном реально и берется в определенном общественно-политическом плане. Это определяет отбор материала... Конкретность, детальность, внимание к частностям большого события отличает предания от историко-песенного фольклора» (стр. 252, 253).

В этой связи особый интерес представляет глава, в которой рассматриваются предания о кладах. В. К. Соколова весьма убедительно, на мой взгляд, доказывает их принадлежность к жанру бывальщины и возможность прикращения какой-то их части к историческим лицам, а следовательно, превращения подобных устных рассказов в один из типов преданий («Клады Разина»). Внимательно рассматривается и возможность «историзации» некоторых чисто сказочных сюжетов («Иван Грозный и ловкий вор», «Петр Первый и солдат»).

Столь же несомненным достоинством работы является применение историко-сравнительного метода, прочно утвердившегося за последние годы в исследованиях эпоса и сказки (работы Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, Э. В. Померанцевой). В. К. Соколова опирается на материалы и наблюдения не только русских, но и чешских, польских, югославских ученых. Она привлекает словацкие сказания о короле Матяше, польские предания об основании Кракова, славянские фольклорные циклы о благородных разбойниках — Яношике, Олексе Довбуше, Кармалюке и др. Это помогает ей установить общие типологические закономерности и важнейшие исторические этапы эволюции всей славянской народной несказочной прозы.

Вместе с тем тщательно отмечаются особенности путей развития, тематики, образов, бытования, свойственные южнославянским, западнославянским, восточнославянским преданиям. Так, устанавливая, что «формирование преданий о „благородных разбойниках“ и их дальнейшее развитие у всех славянских народов шли одним путем» (стр. 185), В. К. Соколова одновременно доказывает специфичность мотива «уходит с водой» именно для русских преданий (стр. 165) и отсутствие в них эпизодов чудесного рождения и необычного детства будущего «збойника» или «опришка» (стр. 175).

Широкий охват материала позволяет В. К. Соколовой установить примерный состав русских преданий и выделить основные их типы. Результатом всего исследования стала предложенная автором схема классификации русских преданий, опубликованная как приложение, но безусловно представляющая собой одну из наиболее ценных глав всей книги. Убедительно полемизируя с чисто тематическим принципом классификации преданий, предлагавшимся другими советскими учеными (В. Е. Гусевым, Л. Б. Элиасовым), В. К. Соколова исходит в своей схеме из типологических соответствий русского и общеславянского материала, а также из степени близости разных видов преданий к смежным жанрам фольклора — религиозной легенде, бытовой сказке и т. д. Такая классификация действительно позволяет представить себе состав и характер рассматриваемого жанра, его место в русском фольклоре.

Однако и в содержании книги, и в предложенной классификационной схеме имеется, на наш взгляд, один весьма существенный пробел. Совершенно не упомянуты и не привлечены предания о полководцах, весьма характерные для русского фольклора XVIII—XIX вв., довольно часто встречающиеся и в записях советского времени. Целый ряд преданий, возникавших в солдатской среде, связан с личностью и деятельностью Суворова¹. Многие из них впоследствии были приурочены к Отечественной войне 1812 г. и к личности Кутузова. Так, очень оригинальное предание о Кутузове-провидце, заранее знавшем, кому из солдат суждена смерть в бою, записал от знаменитой северной сказительницы Аграфены Крюковой А. М. Марков (см. известный сборник «Беломорские былины»). Не только в казачьем, но и в крестьянском репертуаре были распрост-

¹ См. А. В. Елисеев, Народные предания о Суворове, «Древняя и новая Россия», 1879, т. 1, № 8; В. П. Бирюков, Фольклор Урала, вып. 1, Челябинск, 1949.

ранены предания о Платове: его происхождении, подвигах, пребывании за границей. Во второй половине XIX в., очевидно, существовали совершенно до сих пор не собранные и не изученные предания о «белом генерале» — Скобелеве, связанные прежде всего с тайной его внезапной смерти.

Таким образом, предания о полководцах следует рассматривать как один из наиболее поздних специфических типов данного жанра. Генетически они связаны как более ранними преданиями о борьбе против внешних врагов, так и с преданиями о походах Ермака, о Петре Первом — создателе армии и покровителе солдат, а частично циклами о разбойниках. Иногда все эти мотивы переплетаются, получая новое значение. Например, в предании, записанном В. И. Чернышевым, Платов оказывается удальным разбойником, сосланным в Сибирь, на каторгу накануне нашествия французов, вызванным оттуда самим царем, когда началась война. Мотив прощения вины, появившийся в преданиях о Ермаке, выступает здесь в новом переосмыслении. К тому же Платову относились древнейшие бродячие сюжеты о мудрых судах Соломона (записаны А. Ивановом). О соотношении предания с исторической песней можно судить по белорусскому тексту, в котором песня о поезде Платова к французам пересказана и переосмыслена в духе прославления партизанской борьбы с отрядами Наполеона².

Отсутствие всего этого материала в книге обедняет состав русских преданий и сему их классификации, недостаточно прослеживается и картина исторической эволюции преданий на русской почве.

Несколько односторонним выглядит анализ преданий о Петре Первом. Предания, в которых дается отрицательная оценка личности и деятельности Петра, В. К. Соколова считает мало значительными, возникшими в результате церковной пропаганды, им уделено всего две-три страницы (83—85). Более глубокой и обоснованной представляется здесь точка зрения К. В. Чистова, писавшего: «Исторически противоречивой была прежде всего деятельность Петра, а не только народное сознание, отразившее ее в специфических фольклорных формах»⁴.

В концепции К. В. Чистова привлекает строго исторический подход к народному творчеству, в процессе длительного развития которого могут решительно переосмысливаться образы, мотивировки, оценки. «Осознание исторических заслуг Петра развивалось, видимо, медленнее, чем непосредственная реакция на петровские «утеснения». В позднейшей традиции активнее живут воспоминания о простоте его общения с народом... возникают песни и предания, идеализирующие Петра... все больше забываются легенды о «подменном царе» и другие произведения, рисующие Петра с отрицательной стороны...»⁵.

К сожалению, в соответствующей главе монографии В. К. Соколовой нет ни опровержения этой концепции, ни ее дальнейшего развития, и разнородность преданий о Петре освещена в духе сложившейся в науке традиции, явно смягчающей их противоречивость.

В своей работе В. К. Соколова избегает преждевременных или произвольных обобщений и все выводы убедительно аргументирует. Подобная осторожность — прекрасное качество для исследователя, но порой он имеет право и на гипотезу. Так очень хотелось бы видеть в первой обобщающей монографии о русских преданиях не только констатацию того факта, что «богатырских преданий, связанных с историческими событиями, у русских сохранилось немного» (стр. 39), но и объяснение его, хотя бы предварительное. Оно тем более желательно, что приведенные автором примеры говорят о бытовании богатырских преданий именно в тех местностях, где в живом бытовании не сохранился сам эпос.

Высказанные выше пожелания несколько не умаляют ценности и значения книги. Они возникли как раз потому, что В. К. Соколова поставила перед собой и в основном разрешила большую и трудную задачу создания первой монографии об одном из малоизученных жанров русского фольклора. Только на фоне проделанной ею огромной работы по сбору, систематизации и обобщению материала могли выступить отдельные пробелы и спорные положения, требующие дальнейшей разработки. Как и появившаяся несколько лет назад книга К. В. Чистова о социально-утопических легендах, монография В. К. Соколовой о преданиях свидетельствует о том, что русская советская фольклористика успешно осваивает сравнительно мало изведенную до сих пор область народной исторической прозы.

Э. С. Литвин

² См. А. Иванов, Верования крестьян Орловской губернии, «Этнографическое обозрение», 1900, № 4; В. И. Чернышев, Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда, сб. «ОРЯС», т. XX, СПб., 1901, № 39; В. Г. Головачев и Б. С. Лящилин, Донские сказки и сказы, Сталинград, 1947.

³ См. А. Сержпутоўскі, Казкі і апавяданьня беларусаў з Слуцкаго павету, Л., 1926.

⁴ К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды XVIII—XIX вв. М., 1967, стр. 94.

⁵ Там же.